

К изданию приложены подробная родословная таблица князей, упомянутых в «Слове», и географическая карта древней Руси, на которую нанесены только названия, находящиеся в «Слове».³

Рассматриваемое издание несомненно полезно: оно дает словенским читателям ясное понятие о «самом знаменитом памятнике древнерусской литературы» (стр. 5) и является своевременным, так как давно устаревший перевод Плелетершника стал библиографической редкостью. Филологический комментарий проф. Нахтигалья очень поучителен и стоит на высоте современной славистики. Однако у нас являются некоторые возражения по поводу «реконструкции», которую автор считает главным достижением своего труда.

Попытка восстановления подлинного текста «Слова», с освобождением его от всех наслоений и изменений, которые могли быть внесены переписчиками, — не новость. Ее сделал уже Ф. Е. Корш в 1909 г.,⁴ старательно восстановив глухие гласные и полногласные формы во всем тексте «Слова», что, впрочем, не встретило одобрения в литературе предмета. Недавно, в 1948 г., проф. Р. О. Якобсон дал свою, более осторожную попытку восстановления текста: он поместил полногласные и некоторые другие древнерусские формы в скобках, после форм текста, предоставляя читателям выбор между теми и другими.⁵ Сам проф. Р. Нахтигаль опубликовал в 1950 г. около одной трети своей реконструкции и перевода текста,⁶ теперь он дает его в законченном виде.

Следуя во многом за тщательным исследованием акад. С. П. Обнорского,⁷ автор предполагает, что церковно-славянские формы появились в результате корректуры, проведенной переписчиками в эпоху «второго южнославянского влияния», т. е. в XV и XVI вв. Поэтому он сильно изменяет привычный нам текст «Слова»: 1) заменяет написания глухих после плавных «л» и «р» глухими перед ними, например «пѣлк»; 2) восстанавливает всюду глухие гласные, например «кѣнязь», «клѣкътъм»; 3) после шипящих и «ѣ» ставит всюду «я» и «ю», например «начяшя»; 4) после гортанных всюду «ы», а не «и», например «Кыеву»; 5) заменяет все неполногласные формы полногласными, например «золото», а не «злато»; 6) заменяет местоименные формы прилагательных на -скый именными (нечленными), например «Кыевьскъ», «Русьскъ» (род. п. мн. ч.); 7) заменяет «жд» и «щ» (из «dj» и «tj») русским смягчением «ж» и «ч». Есть еще ряд более мелких изменений, на которых мы не будем останавливаться.

Оправданы ли все указанные изменения?

1. С первым можно согласиться (его провели уже Корш и Якобсон). Действительно, русский язык XII в. старался освободиться от болгарского написания «плѣкъ» и заменять его более подходящим к произношению начертанием. Так, уже в подлинной Мстиславовой грамоте около 1130 г. стоит «държа», «дѣлжни». Но невольно встает вопрос: не поддерживалось ли уже в оригинале «Слова» употребление болгарских начертаний книжной традицией «первого южнославянского влияния» XI—XII вв. и не старался ли сам автор «Слова» писать по-книжному «плѣкъ», а не «пѣкъ», хотя это ему не всегда удавалось?

³ На карте есть погрешности: не указаны Ляхи, Овары на Кавказе, Новгород-Северский, Лукоморье; между тем Дудutki указаны огромными буквами, больше и выше Новгорода-Великого, хотя положение их сомнительно.

⁴ Ф. Е. Корш, Исследования по русскому языку Академии Наук, т. II, № 6.

⁵ La Geste de prince Igor, Texte établi... par Roman Jakobson..., стр. 150—178.

⁶ Rajko Nahhtigal. Slovo o polku Igoreve (Odlomek iz slovenske prireditve izdaje) Slavistična Revija, III. Ljubljana, 1950, стр. 369—396.

⁷ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 132—198.